

Американские оккупационные власти под видом оказания «продовольственной помощи Восточному Берлину» не прекращают попыток использовать в провокационных целях фашистских наймитов и уголовные элементы.

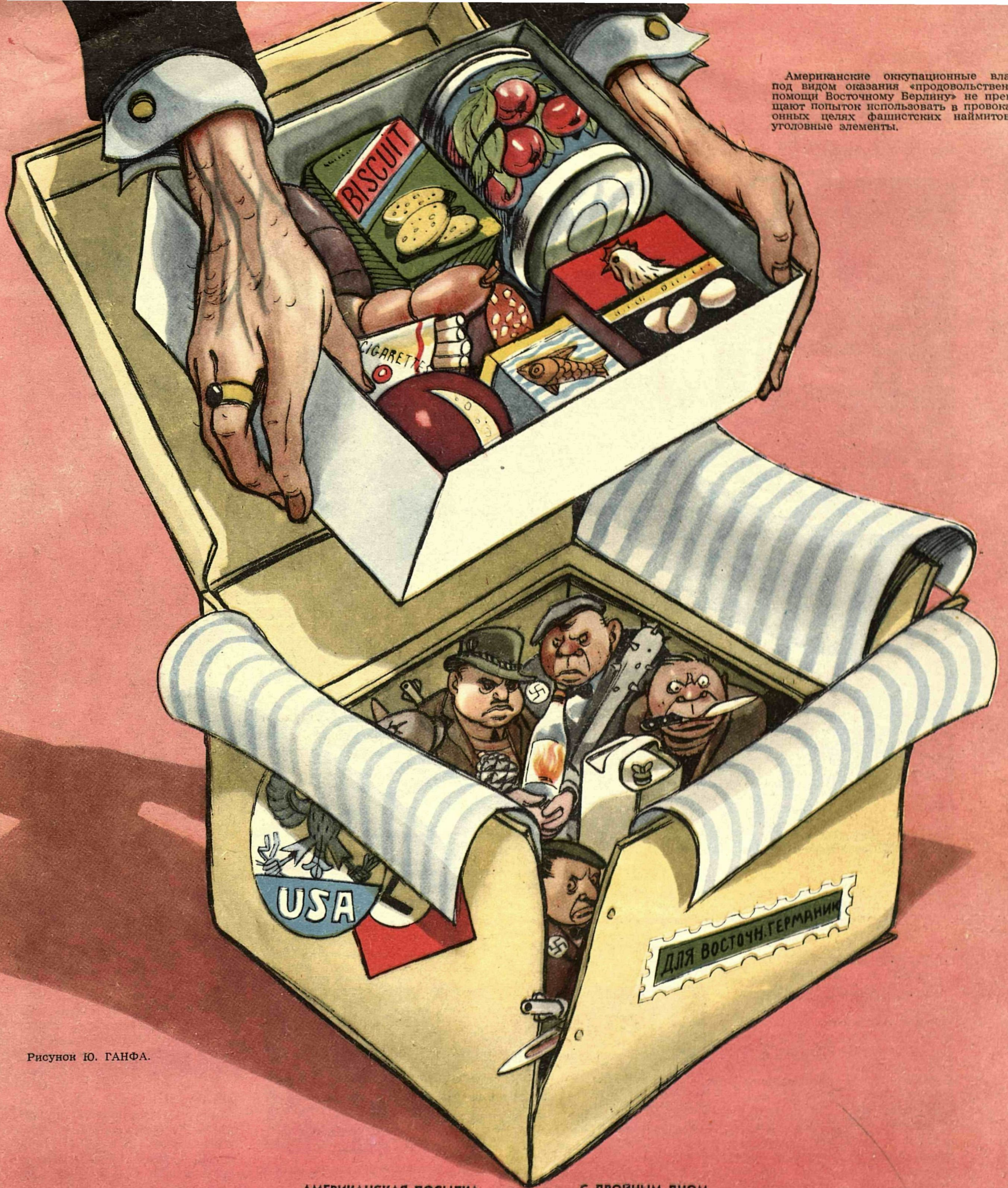

Рисунок Ю. ГАНФА.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОСЫЛКА...

С ДВОЙНЫМ ДНОМ.

К Р О К О Д И Л

Рисунок В. КОНОВАЛОВА (по теме читателя А. Чернавцева, г. Гурьев).

— Вы что здесь делаете, ребята!
— Сторожа ищем, обед ему принесли!

Многоуважаемый товарищ Тележук!

В это благодатное время года, когда серебристый пух носится над землёй, а весёлые пичужки беззаботно распевают в тенистых дубравах звонкие песни, позвольте поздравить вас с обнародованием решения № 364.

Как хорошо, что вы не оставили без своего административного попечительства столь чудесный квартал хозяйственного года! Отныне, согласно решению, все массовки и экскурсии нижнетагильских рабочих и служащих должны утверждаться горсоветом. Таким образом, навсегда покончено с нездоровой практикой, когда рабочие, не имея визы горсовета, легкомысленно выезжали на лоно природы. Другое дело теперь. Решение № 364 регламентирует посещение лесных опушек и полянок.

Однако решение горсовета не вызвало почему-то у нижнетагильцев бурного ликования. Наоборот. Неблагодарные горожане пытаются даже критически его переосмыслить. Они считают, что планы массовок и экскурсий должны утверждать завкомы, а не горсовет. Они не понимают, почему нужно получать в городском управлении милиции разрешение на загородную прогулку. Они полагают, что дело ОРУДа — сле-

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ИСПОЛНЯЮЩЕМУ ОБЯЗАННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ИСПОЛКОМА НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКОГО ГОРСОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ТОВАРИЩУ
А. С. ТЕЛЕЖУК

дить за тем, чтобы машины, перевозящие людей, были надлежащим образом оборудованы. Милиции же надлежит оберегать отдых трудящихся, а не заниматься выдачей разрешений.

Эти мысли родились в голове у рабочих после того, как они на практике познакомились с действием документа № 364. А произошло это так. 20 июня коллективы ряда цехов Уралвагонзавода решили провести выходной день в загородном лесу. Организаторы массовок начали хлопотать о машинах. Потребовалось разрешение милиции. Общественники пришли в милицию. Там им предложили представить планы массовок, утверждённые горсоветом. Горсовет, в свою очередь, потребовал разрешения завкома. Уралвагонзаводцы махнули рукой и без всяких виз и разрешений направились поодиночке пешком в лес.

Кстати, последнее обстоятельство говорит о том, что вы, дорогой товарищ Тележук, сделали ещё далеко не всё в области регламентации отдыха нижнетагильцев. Не следует ли в связи с этим распространить действие решения № 364 и на пеших одиночек? Напишите нам. Посоветуемся. Уважающий вас

КРОКОДИЛ

В один конец

Фоторейд Крокодила

Мы собирались во Владимир. Пошли за билетами. По пути прочитали плакат: «Пользуйтесь услугами автотранспорта!» Один из нас сказал:

— В поезде душно.
— А в автобусе ветерок продувает...

— И сиденья мягкие.
— Недаром же написано: «Самый удобный способ сообщения между городами».

Оба мы воскликнули:
— Поехали в автобусе!

* * *

На площади перед Курским вокзалом мы долго искали автобусную станцию дальнего следования. Не найдя, прибегли к помощи милиционера.

— Приезжие?
— Нет, москвичи.
— Тогда пойдёте. Сами не найдёте.

По пути к станции мы начали расспрашивать нашего проводника, почему приезжий может найти станцию сам, а москвичей надо к ней подводить.

— Очень просто. Москвич рассчитывает увидеть станцию, а тут, извините, клетушка.

Он подвёл нас к крохотному сооружению, мимо которого мы проходили несколько раз, принимая его за пивной ларёк.

* * *

Станция была закрыта. У окошечка томился на солнцепёке пожилой гражданин с химическим карандашом в руках. Он с видом знатока произнёс:

— Давайте ладонь и идите гулять.
— Зачем вам наши ладони? Вы хиромант?

— Очередь соблюдаю. Давайте отмечу. Придёте после перерыва. То, что мы увидели после перерыва, изображено на снимке № 1. В одном окошечке неторопливая кассирша продавала билеты на все направления.

* * *

Билеты мы получили на второй день. До отхода автобуса оставалось несколько часов. И вот тут мы сделали открытие. Оказалось, что у невзрачной на вид автобусной станции (внутри мы не были, так как туда не пускают) самый большой, грандиозный зал ожидания для пассажиров — вся площадь перед Курским вокзалом.

Как уютно себя чувствуют пассажиры в этом зале, видно на снимке № 2.

Как ведут себя пассажиры в дождь, в непогоду, мы не установили. Нам повезло: день нашего отъезда был солнечный, ясный.

* * *

— Куда я его поставлю? На голубу?

— Куда хотите. Но с дороги уберите. Можете под сиденье.

— Не лезет.
— Надо было багаж поменьше брать. Возьму сейчас и высажу. Дискуссия о том, куда девать багаж, начатая контролёром при посадке, продолжалась до Ногинска.

Мы добровольно взяли на себя роль секретарей и записали поступившие предложения: устроить над сиденьями сетки для мелких вещей, изобрести для чемоданов и баулов специальный прицеп, по-

думать о багажнике между колёсами, сделать багажник на крыше. Предложений было много. Особенно запомнилось одно (его внёс гражданин, стоявший накануне у кассы с химическим карандашом):

— Не пускать с багажом, вот и всё!

За разговором даже не заметили, как удобно все разместились. Сравнительно лучше других приютила свои пожитки молодая супружеская чета, запечатлённая на снимке № 3.

* * *

После Ногинска дискуссия пошла по другому руслу. Пассажиры вслух обсуждали заметку из «Литературной газеты», опубликованную накануне. В ней говорилось:

«Вот как должна выглядеть дорога: за кюветом — декоративные кустарники, фруктовые деревья, а за ними — лесные полосы для защиты дороги с обеих сторон от снежных заносов. В лесной полосе одна треть насаждений должна состоять из фруктовых деревьев. В местах пересечения дорог и у автобусных остановок предложено строить беседки для отдыха, те-

В этот момент наш автобус остановился. Всё его многочисленное население разлетелось враспыленную — одни направо, другие налево.

Из будущего мы вернулись в настоящее. Гражданин с химическим карандашом оказался прав — цветов не было. Беседок тоже не было. Не было и скамеек под тенистыми навесами. Как мы отдыхали, видно на снимке № 4.

* * *

Собираясь в обратный путь, мы пошли за билетами. На автобусной станции, которая во Владимире куда лучше, чем в Москве, мы прочитали плакат: «Пользуйтесь автобусным сообщением!»

Поразмыслив, мы оба воскликнули:

— Поедем на маршрутном такси!

Мы ехали и разбирались в услышанных в автобусе предложениях, и не только по поводу багажа. Дальних автобусных линий становится всё больше и больше. Новый вид междугородного транспорта прочно вошёл в быт. Как сделать так, чтобы пассажиры чувствовали себя во время этого пу-

нистые навесы, скамейки, высаживать цветы».

Гражданин с химическим карандашом заявил:

— Каждую неделю езжу. Цветов пока не видел...

Его перебила студентка, ехавшая в Ундолово:

— Надо уметь смотреть в будущее!

тешества легко и приятно и ездили не в один конец, а в оба и с одинаковым удовольствием?

Арк. ВАСИЛЬЕВ,
А. УЗЛЯН,

специальные корреспонденты
Крокодила.

Между делом

Напутствуемый пожеланиями доброго пути, Борис Викторович Брагин, редактор районной газеты и бессменный член всех лекторских групп, вышел из кабинета секретаря райкома.

В приёмной секретаря томилась, ожидая Брагина, заведующий культотделом исполкома Орешко и председатель районного отделения Общества по распространению знаний Устимов.

Щупленький, вёрткий Орешко ни секунды не мог усидеть на месте. Он метался из угла в угол, охал, поминутно взглядывал на часы и беспрестанно рылся в портфеле. Грузный, тяжёлый на подъём Устимов сидел, не шелохнувшись, в тёмном углу.

— Наконец-то! — метнулся к Брагину Орешко. — Вот вам путёвка! Берите, берите! Прочтите колхозникам лекцию «Есть ли жизнь на луне». Волнующая тема!

— Выращивать своих лекторов надо, товарищ Орешко. Работать с ними, — мрачно изрёк из своего угла Устимов и, поднявшись со стула, категорически объявил Брагину: — Зайдешь за путёвкой в отделение. Мне тут ждать больше некогда.

Едва Брагин вырвался из рук своих преследователей, как попал в объятия руководителя лекторской группы райкома Логинова.

— Насели? — понимающе спросил тот и, пропуская Брагина в свой кабинет, посоветовал: — Не поддавайся! А вам, товарищи, совесть надо иметь. Ему в Заречном ответственные дела решать надо. Понятно? Уборочная кампания. И ничего больше. Ищите лекторов в другом месте.

— Да и своей основной работы много, — вздохнул Брагин, — плохо мы ещё страдаем освещаем в газете.

— Вот-вот. Присаживайся. Время горячее. Получи путёвку. О международном положении расскажешь. А это тебе ещё, запасная. В случае, если на вторую ночь останешься, доклад сделаешь об организации работы на току. Между делом, конечно.

— Да ведь не успею подготовиться.

— Захочешь — успеешь. Ну, счастливого!..

Улица, как чаша, была до краёв наполнена густым, застоявшимся зноем. На мостовой лениво развевался пыльный вихрь. В жидкой тени молоденькой акации стояла Люся Мазина, секретарь райкома комсомола. То ли день уж такой был, то ли новая шляпка шла ей необыкновенно, но сегодня девушка показалась Брагину особенно привлекательной.

— Жарко, — сказала она, застенчиво улыбаясь.

— Да, погода боевая. Страда, в общем... еду в колхоз...

Рисунок Е. ЦЕГЛОВА.

— Знаю, что едете, — почему-то вздохнула Люся и потупила взгляд. — Вот и жду вас. Мне два слова нужно вам сказать. Да всё не решалась.

— Люся! — не веря своему счастью, воскликнул Борис Викторович так громко, что тракторист, ведущий грохочущую машину на другом конце улицы, вздрогнул и обернулся. — Я тоже давно хотел... Я тоже не решался...

— Просьба у меня к вам, — благодарно улыбаясь, подняла на него лучистые глаза девушка.

— Приказывайте. Для вас хоть вот под этот трактор лягу!

— Возьмите путёвочку...

— К-какую путёвочку?

— От райкома комсомола, — объяснила ободрённая Люся, не замечая, что свет померк в глазах её собеседника. — Прочтёте

В его анкетных данных
Для тени места нет.
Глеб Саввич в постоянных
Заботах неустанных
Провёл так много лет!
Имеет поощренья!
Награды с ним дружны!
Но к справкам

дополненья
Серьёзные нужны.

ОН ЗНАЮЩИЙ...

чем можно

Директору польстить,
Где надо осторожно
Туману напустить,
Где к месту грустно всхлигнуть,
Где лёгкий вздох издать,
Где следует хихикнуть,
Где лошадью заржать.

Владимир ИВАНОВ

АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ

НАХОДЧИВЫЙ...

Бесплатно
Раздобывал бензин,
Причём неоднократно,
Да и не литр один.
С улыбкою в придачу,
Услуга, мол, не в счёт,
Пожалуйте-с,
На дачу
Езжайте без забот!

СКРОМНЕЙШИЙ ОН
ИЗ СКРОМНЫХ...

На службе, на дому
О всех проделках тёмных
Ни слова никому!

ОН ИНИЦИАТИВНЫЙ...

Проверено вполне:
На именины дивный
Поднёс сервис жене.
Начальству же, отлично
Учитывая спрос,
Конспект многостраничный
Любезно преподнёс.
Хоть строги педагоги,
Начальник сдал зачёт,
Не чувствуя тревоги,
Не ведая хлопот.

ОН В КРИТИКЕ СУРОВЫЙ...
Глаголом жжёт сердца,
Когда... вопрос не новый
И ясный до конца!..

Глеб Саввич, как известно,
«Заслугами» богат.
Десятки справок лестно
Об этом говорят.
Глеб Саввич по анкетам
Приятен и пригож!
Но с красочным портретом
Оригинал не схож!

г. Ленинград.

комсомольцам Заречного лекцию о любви и дружбе. Вы так здорово её читали в позапрошлом году!

Борис Викторович круто повернулся и пошёл прочь.

— Куда же вы?

— Под трактор.

— Так, значит, лекцию прочтёте? Очень прошу.

— Ладно, давайте ваши путёвки. Только знайте: с сегодняшнего дня ничего я в этой самой любви не понимаю.

Брагин мрачно простился с девушкой и только тогда услышал призывный стук в окно. Он оглянулся. За пыльным стеклом маячило хмурое лицо Устимова. Тот укоризненно кивал головой и одновременно манил его пальцем. Брагин стиснул зубы и нырнул в дверь, над которой красовалась вывеска «Районное отделение Общества по распространению политических и научных знаний».

Устимов встретил его, выглядывая из-за высоченных стогов бумаги, со знанием дела смётанных на письменном столе.

— Член ты Общества или не член? — начал он с места в карьер. — Видишь, что я и так перегружен, или не видишь? Бери путёвку. Прочтёшь «Сон и сновидения». Ничего слушать не стану. Всё знаю, что скажешь. Зря, что ли, ты членские взносы платишь? Изволь распространять знания только по нашим путёвкам. Достаточно с меня и того, что Орешко нагло увёл из-под носа Сидорова.

— Крутитесь вы все вокруг нас с Сидоровым. В двух лектурах заблудились! — перешёл в нападение Брагин. — Ишь, каких универсалов нашли! «Строение Галактики»? Пожалуйста! «Семья и брак»? С удовольствием! «Гранулированные удобрения»? Сколько угодно!..

Но слаб человек! Кончилось тем, что, отведя душу в жарком споре, Брагин всё-таки унёс путёвку на «Сон и сновидения».

Ранним утром, когда Брагин садился в машину, его настиг Орешко.

— Слава богу! Так и знал, что на «Москвиче». Берите путёвку, берите, говорю вам. Тучку видите на горизонте? Развезёт дорогу. Как пить дать, развезёт! На «Москвиче» нипочём не выберетесь. Лекции две за милую душу успеете и для нас прочесть.

Брагин молча взял путёвки, которых почему-то оказалось три, сунул их в карман и опустил на сиденье.

... Два дня спустя в приёмной секретаря райкома наблюдалась знакомая картина. Судорожно сжимая горячую от долгого и жаркого разговора трубку, Орешко прыгал на привязи вокруг чёрного телефонного ящика. Устимов угрюмо молчал в тёмном углу и время от времени саркастически улыбался. В приёмную торопливо вошёл Логинов:

— На кого засаду устроили?

— Брагин ночью приехал, — сообщил Орешко. — Мне как раз сводочку в область отсылать надо...

— Брагин распространяет знания только по нашим путёвкам, — жёстко отозвался из угла Устимов.

— Извините! — вскинулся Орешко. — Он наш лектор!

— Подождите делить медвежью шкуру, — улыбнулся Логинов. — Брагин был в селе всего одну ночь. Значит, он успел только для нас прочесть...

— А почему это именно для вас? — съехидничал Устимов.

— Тут ещё эта Мазина из райкома комсомола вертится, — вздохнул Орешко. — Она ему, можно сказать, без пяти минут невеста... Понимаете?

Но тут вошёл сам виновник спора.

— «Сновидения» прочёл? — спросил его в упор Устимов.

— И не думал.

— Ну, так ищите себе нового председателя! С меня довольно!

— И найдут. За милую душу найдут! — захопотал вокруг Брагина Орешко. — Мне бы, Борис Викторович, данные только... для сводочки. За путёвкой я потом забегу. Вы какую прочли?

— Да не читал я ничего...

— Вот видите! — торжествовал Логинов. — Эх, вы, руководители! Всё норовите, как бы за чужой счёт проехать. Самим выезжать надо. А у Брагина там посерьёзнее дела были. Небось, для нас тоже только одну успел прочесть?

— Да говорю же я вам, ничего не читал! Ни сна, ни любви... Ничего!

Немую сцену дополнила горестная фигура Люси, незаметно появившейся в середине разговора.

— Зато сам послушал, — объяснял Брагин. — И какую лекцию! О пятилетнем плане района. Нет, это не та крошка из цитат и цифровых данных, что мы тут с вами состряпали. Поэма о будущем! Преподаватель техникума Иван Дмитриевич читал. Он каждое лето отдыхает в Заречном, а там, оказывается, партийная организация своими силами лекторий организовала. Вот у кого поучиться не мешало бы!..

— На кого читал? — первым пришёл в себя Устимов.

— Для колхозников, конечно.

— Я спрашиваю: на кого?.. По чьей путёвке?

— А он без путёвок...

— Да как же он смеет! — ахнул очнувшийся от столбняка Орешко. — Товарищ Логинов, надо за подобное самоуправство к порядку призывать! Они нам планы срывают!

— Не ожидал, товарищ Брагин... — развёл руками Логинов. — От кого угодно, а от тебя не ожидал. Это, брат, уже пахнет недооценкой лекционной пропаганды на уборке! И с нею пора кончать! Я имею в виду уборку... то есть недооценку! Это тебе так не пройдёт! Я вопрос поставлю! Поручили человеку такое ответственное дело...

— Да. Тем более между делом!.. — некстати поддакнул Орешко и побежал ловить Сидорова, уезжавшего уполномоченным в Подлесное.

ВЫСОТА, ДА НЕ ТА

На ряде шахт плохо используется новая техника.

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

— У нас в шахте техника на высоте!

В ПОРЯДКЕ ОБМЕНА

Пока ещё никому не удалось изучить влияние солнечной энергии на искусство. Однако замечено, что с наступлением лета на этом фронте происходят загадочные процессы. Стационарные театры, которые зимой дократом не поднимешь с места, внезапно обуревают дух кочевья.

В коридорах местных отделов искусств можно встретить людей с мечтательными глазами. Это театральные директора. Укрываясь здесь от летнего пекла, они ведут предгастрольные беседы:

- Куда едет ваш театр?
- И не спрашивайте! Нас бросают на уголь.
- Боже ж ты мой! В такую жару! А вы что?
- Отбиваюсь. Подал заявку на Кисловодск.
- Есть надежды?
- Пока никаких. Настаивают на угле. Но я не сдаюсь. Направил всю труппу на медицинское обследование.
- Это ещё для чего?
- Как для чего? Театр у меня старый, бывалый. Четыре гипертонии, пять суставных ревматизмов и, по самым скромным подсчётам, три камня в печени. С таким ассортиментом Кисловодск — самая подходящая точка.
- Да, Кисловодск — это точка! Один Храм воздуха чего сбьёт! Хорошо вам!.. А у меня театр молодой. Ни одного приличного радикулита. Придётся ехать на хлопок...
- В это же время театральные администраторы, выполняя волю своего начальства, бьют по рукам.
- Стало быть, решено! Вы к нам, мы к вам. В порядке обмена культурными ценностями. Ей-ей, будете довольны. У нас город

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Что делать с овощами, они начинают гнить!
— Подождут, у нас решенье ещё не созрело.

хороший. Зритель ко всему приученный. Театральный рецензент как раз в отпуск уезжает.

— А какие пьесы вы к нам повезёте?

— Да уж известно какие: те же самые, что вы к нам...

От перемены мест слагаемых сумма обычно не меняется. Но когда этот математический закон вторгается в искусство, сумма неожиданно меняется: сборы падают.

Вот, например, Костромской драматический театр по разрядке сверху едет в Иваново, а Ивановский драматический театр в порядке встречных пьесоперевозок — в Кострому. Читает костромские зрители ивановские гастрольные афиши и диву даются:

— Что же это они к нам везут? «Калиновую рощу» мы у себя видели. «Правда — хорошо, а счастье лучше» — тоже видели. «Завтра будет нашим» — видели. «Живой портрет», «Свадьбу с приданым», «Семью» — всё у себя видели...

А в республиканском управлении театрами продолжают муки планирования:

— Значит, в Туле своей музыкальной комедии нет?

— Нет.

— Прекрасно! Надо охватить гастрольями.

Охватили! Взяли в железное кольцо. С одной стороны двинулся сюда Винницкий музыкально-драматический театр. Вслед за винничанами на подступах Краснодарский театр музыкальной комедии. А за ним, согласно плану, спущенному сверху, должен прибыть Свердловский театр музыкальной комедии.

Туляки заволновались:

— Как же так, товарищи! Ведь гастрольные анонсы краснодарцев и свердловчан выглядят, как родные братья!

— Ну, не скажите! Названия оперетт действительно сходятся, а приправа не та! Тут «Марийкино счастье» по-краснодарски, а там «Марийкино счастье» по-свердловски. У свердловчан и оркестр и хор помассивнее.

— Одним словом, тех же щей, да погуще влей... Пожалуй, зритель не пойдёт.

— То есть как не пойдёт? А вы попробуйте перенять опыт у винничан. Они заключают с отделом искусств пакт о взаимопомощи. Обуславливают в договоре, что на время их гастролей никакие театральные коллективы в город допускаться не будут... Сегодня зритель не пойдёт, завтра не пойдёт... А там — деваться ему некуда! Граница на замке! Подписывайте договор с взаимным обязательством.

— С полным уважением! Вы — нам, мы — вам...

— Так сказать, в порядке обмена!..

Столы Управления по делам искусств напоминают карты боевых операций. Из начальственных кабинетов доносятся воинские приказания:

— Курский театр передислоцировать в Орёл! Орловский двинуть в Курск!

— Уже передислоцировали и двинули.

— Какой результат?

— Крупные потери в кассе...

— Перекроем за счёт гастролей столичных театров. Московский театр сатиры бросим в Саратов...

— Ой, стоит ли бросать?

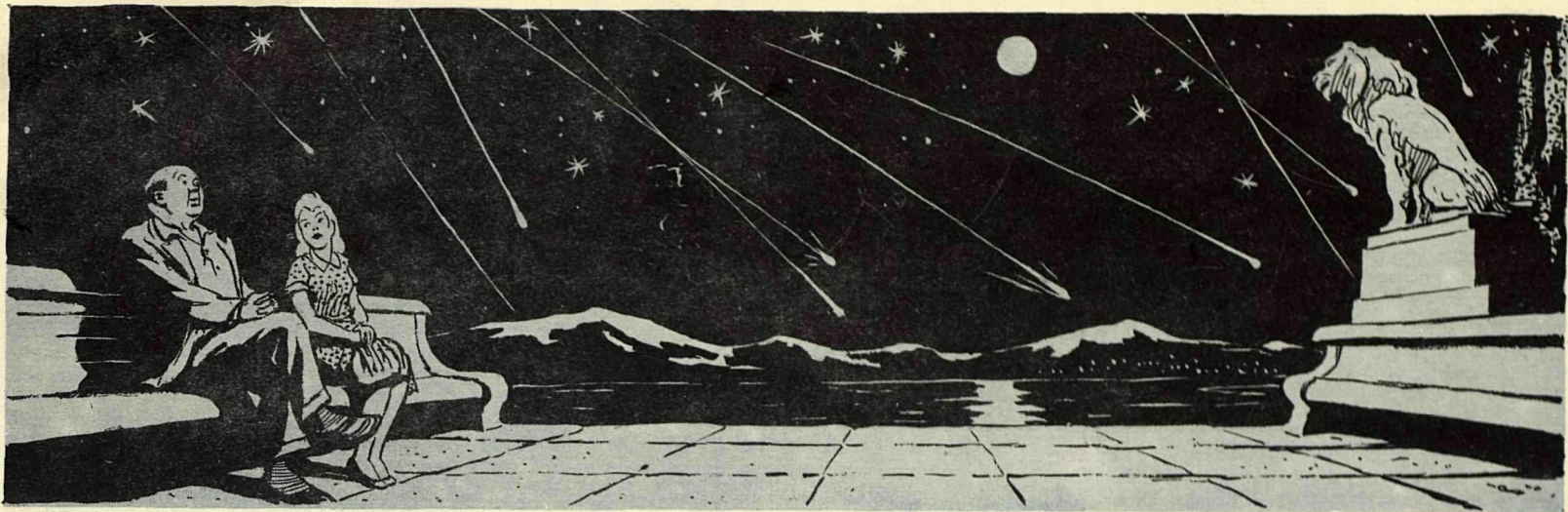
— А что?

— Да из восьми пьес, которые повезут, четыре в Саратове уже показаны.

— Ничего не попишешь. Драматурги не пишут. Всюду одно и то же идёт. Не отменять же из-за этого гастроль!

«В порядке обмена» Владимирское концертно-эстрадное бюро решает направить в Тулу свою бригаду. Исстари славились во Владимире хоры рожечников, а в Туле оркестры баянистов. Вот был бы хороший обмен! Но ни рожечники, ни баянисты не по душе концертным деятелям. Владимирцы завели у себя ансамбль «венской» оперетты, а туляки — ансамбль песни и пляски народов Кавказа. И отныне старый русский город Владимир будут представлять «венские» герои, а Тулу — лезгинка и зурна!

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Высшего образования Пётр Иннокентьевич не получил, но в своё время окончил гимназию. И считал себя вполне образованным, культурным человеком.

Ему почему-то казалось, что прежнее среднее образование давало людям неизмеримо больше, чем теперь. И с этим убеждением он благополучно прожил до 57 лет.

Но в этом году вот что с ним произошло.

Недавно он отдыхал в Крыму. Весь месяц избегал выступлений, но перед самым своим отъездом согласился дать концерт в доме отдыха МЭИ.

Вечер его прошёл грандиозно. Юная студенческая аудитория восторженно воспринимала любой романс, любой музыкальный пустячок. Пылкие поклонницы бурно аплодировали и без конца вызывали Петра Иннокентьевича.

Такой успех окрылил стареющего певца. Ему не захотелось после концерта возвращаться в свою одинокую комнату. Окружённый шумной толпой поклонниц, он проследовал на берег моря, дабы полюбоваться красотой южной ночи.

Всё шло хорошо, чудесно. Поклонницы говорили комплименты, шутили, смеялись. Но потом они разбрелись гулять по пляжу. А он остался на скамье с какой-то совершенно юной студенткой по имени Лера.

Эта девушка во время концерта громче всех аплодировала и неистово кричала «бис». Сейчас она молча и восторженно смотрела на певца. Много радостных слов накопилось в её душе — об его исполнении, таланте. Но она не решалась первая заговорить из чувства высокого почтения к нему.

Крайняя юность собеседницы смутила Петра Иннокентьевича. Он решительно не знал, о чём вести речь с этим полуробёнком. Он никогда не терялся в словесных турнирах, но в данном случае не мог подыскать начала для разговора. Что-нибудь пошлое или тривиальное ему не хотелось произнести, а оригинальное, как нарочно, не шло на ум.

Они долго молчали, но тут, к счастью, в небе упала звёздочка, и это позволило Петру Иннокентьевичу сказать:

— Какое красивое зрелище!..

Девушка кратко подтвердила эту мысль. Тонкая нить их разговора, вероятно, прервалась бы, но тут в космическом пространстве произошло нечто невообразимое. Звёзды одна за другой стали срывать со своих мест. Они с дикой скоростью куда-то летели и там где-то исчезали, оставляя за собой сверкающий путь.

По мнению Петра Иннокентьевича, упало не менее двух десятков весьма круп-

ных звёзд. Он едва успевал подсчитывать: — Двенадцать... четырнадцать... семнадцать...

Но потом это небесное явление прекратилось. Однако разговор с девушкой уже завязался, и тут было бы нелегко сбить Петра Иннокентьевича с захваченных космических позиций. Взяв девушку за руку, он негромко сказал ей:

— Только представьте себе весь ужас этих космических катастроф! Падает в бездну сверкающая звезда. Гибнет цветущий мир. И с ним, быть может, гибнут разумные существа, подобные людям по уму и культуре...

Сколько раз в своей жизни Пётр Иннокентьевич произносил эти фразы, и они всегда благополучно сходили с рук. Более того, мысль о гибели миров обычно заставляла внутренне содрогнуться всех тех, с кем он имел счастье беседовать. Некоторые даже невольно искали моральной поддержки с его стороны. Но в данном случае произошло то, чего он никак не ожидал. Девушка спросила его:

— Как? Разве вы думаете, что это падают звёзды?

Тут надо прямо сказать, что Пётр Иннокентьевич всегда полагал, что это падают звёзды. И поэтому он так и ответил девушке, указывая на небосвод, обильно усыпанный звёздами:

— Да, крошка моя, это падают звёзды. Разве вы не знали об этом явлении?

Лера, смущаясь, ответила:

— Нет, нет, вы ошибаетесь. Звёзды — это небесные светила, подобные нашему солнцу, они никуда не падают. А то, что мы видим, — это каменные или железные массы, которые попадают в нашу атмосферу из мирового пространства.

Тут как бы в ответ на её слова в небесном пространстве снова поднялась весёлая кутерьма: звёзды опять начали в изобилии падать. Показывая на них, девушка сказала, страдая от неловкости, что ей приходится поучать:

— Видите ли... эти материальные массы врываются в земную атмосферу с такой огромной космической скоростью, что от сопротивления воздуха воспаляются и начинают ярко светиться. Посмотрите, как они похожи на звёзды. Вот поэтому они и называются падающими звёздами.

Сообщение Леры буквально ошеломило Петра Иннокентьевича. За тридцать пять лет своей сценической деятельности он привык рассматривать это космическое явление с иных научных позиций. Он полагал, что и в самом деле падают настоящие звёзды. И вот теперь, растерявшись от неожиданности, он промолчал, не защитился хотя бы каким-нибудь восклицанием, которое приподняло бы его в глазах девушки.

Между тем Лера уже более уверенным тоном стала пояснять ему законы небесной механики. Она сказала:

— Эти падающие звёзды обычно сгорают в воздухе до конца — превращаются в газ и пыль. Но иной раз твёрдая масса не успевает сгореть, и тогда на земную поверхность падают так называемые метеориты. Чаще всего это незначительные остатки, но иногда это целые глыбы камней и железа.

Конечно, Пётр Иннокентьевич был ужасно переконфужен этим поучением девушки, но вместе с тем чрезвычайно заинтересован. Ему хотелось ещё и ещё говорить на эту тему и, главное, выяснить, большие ли глыбы падают на земную поверхность и опасно ли это небесное явление для окружающих жителей.

Однако он счёл ниже своего достоинства беседовать на научные темы со столь юной особой. И поэтому он ничего не спросил.

Некоторое время они сидели молча, но потом Лера заторопилась домой. На прощание он хотел было ей вполголоса что-нибудь спеть, чтобы у неё осталось хорошее впечатление о проведённом вечере, но в воздухе уже чувствовалась некоторая сырость, и поэтому он остерёгся петь.

Ночь Пётр Иннокентьевич спал весьма дурно. Ворочался в постели от разнообразных мыслей. Не переставал удивляться, что нынче простая прогулка на берег моря уже до некоторой степени требует высшего образования.

Однако утром ему показалось, что дело обстоит не так уж остро. И тогда он пошёл в дом отдыха МЭИ повидать Леру.

Девушка встретила его холодно. Он спросил её, не эти ли злосчастные падающие звёзды повлияли на её отношение к нему. На это Лера ответила:

— Нет, нет, просто я немного иначе вас представляла.

Конечно, Пётр Иннокентьевич не стал унижаться и расспрашивать её, что значит «немного иначе вас представляла». Почтительно сняв шляпу и попрощавшись, он ушёл. И на другой день уехал из Крыма.

Дорогой он думал о том, что по приезде домой непременно закупит всякого рода учебников и постарается в своих знаниях сравняться с молодёжью.

И кстати он дал себе слово возобновить занятия по политучёбе из опасения, что и в этом деле с ним могут произойти подобные же неприятности.

Вот уж никогда Пётр Иннокентьевич не думал, что законченное среднее образование в размере курса классической гимназии не будет являться драгоценным украшением артиста, имеющего приличные вокальные данные!

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

Дом боярина (XVI век).

Дворец-усадьба (XVIII век).

Дом культуры в рабочем посёлке Куртамыш, Курганской области, начатый строительством в тридцатых годах XX века.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

«НЕЗНАНИЕМ ОФОРМЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ»

Проверив материалы дела и выслушав истца, народный судья Холмского района, Великолукской области, Алексеев установил...

Впрочем, здесь-то и начинается, как говорят юристы, казус. Попробуйте понять из решения, что именно установил судья:

«Сено накошенное было произведено для общественного стада колхоза... на основании решения райисполкома не выбрано от Холмского лесхоза билета на право сенокосения. Ответчик Родионов объяснил не выборки билета незнанием оформления документов. Однако накошенное сено пошло не на нужды колхоза, а лично Родионову...»

На этом более чем веском основании суд решил: «Холмскому лесхозу в иске отказать».

Родионову, как видим, удалось оправдаться: не знает человек, как оформлять документы. С него и спроса нет! Но вот товарищу Алексееву как народному судье оформлять судебные документы давно бы пора научиться. Безграмотностью ему не оправдаться!

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ...

Цветы на выставке Общества содействия озеленению Москвы и впрямь были хороши. Взгляд посетителя радовали огненные тюльпаны, трогательные анютины глазки, весёлая гвоздика.

Любуясь ими, посетитель вспоминал что-то очень хорошее. Вот гроздь белой сирени. Как похожа она на ту, которую он подарил когда-то на первом свидании своей любимой!.. Интересно, что это за сорт? «Рум фон Хорстенштейн!» — прочёл изумлённый посетитель.

«Нет! — подумал он, поспешно отходя. — Пожалуй, я не дарил своей любимой цветов с таким мудрёным названием. А этот? «Хавенгауер!»

Охваченный недоумением, посетитель быстро шагнул вдоль экспонатов. Названия сортов обрушивались на него, как кирпичи: «Карара», «Гладстон», «Эксцелент Неухейт», и т. д., и т. п. Когда же посетитель увидел табличку, на которой значилось:

«Сирень «Пуанкаре».

Выращена гражданкой Паниевой.

Станция Удельная

Московско-Рязанской железной дороги», —

на душе у него сделалось так, точно кто-то бессовестно надсмеялся над ним.

— Как хороши, как свежи тюльпаны и сирень! — вздохнул он. — И как не к лицу им эти замшелые названия!

ПО ЗНАКОМОМУ МАРШРУТУ

Ангрен — самый молодой город в Узбекистане. По молодости лет нет в нём ещё ни трамвая, ни троллейбуса. Но один вид транспорта прочно вошёл в местный быт.

Каждое утро на улицах города появляются ишак и лошадь. На лошади восседает всадник, а на ишаке солидно покачиваются четыре больших бидона.

Жители, встречая эту живописную группу, говорят:

— Опять Карабеков «большим» молоко везёт!..

Карабеков едет молча. Он даже не даёт себе труда командовать лошадью и ишаком. Умные животные отлично знают свой маршрут и останавливаются там, где надо.

Ишак никогда не пройдёт мимо квартиры управляющего трестом «Узбекуголь» тов. Савченко. Увидев знакомые ворота, ишак долго стоит,

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ВОТ ТАК О

Снаружи изячно...

как вкопанный, пока кто-нибудь из семьи тов. Савченко не выйдет с посудиною в руках. Как только Карабеков отпустит положенное по списку количество литров молока, ишак следует дальше. Остановок у него много: у квартиры начальника орсз тов. Сальникова, начальника шахты тов. Хапова, судьи тов. Тунахина, прокурора тов. Лисина и многих других.

Поздно вечером ишак, гремя пустыми бидонами, и лошадь, на которой спит Карабеков, возвращаются домой — в подсобное хозяйство угольного треста.

И так каждый день.

Маршрут для ишака и лошади разработал сам

управляющий трестом тов. Савченко.

Ему пытались доказывать, что лучше было бы направить ишака с бидонами молока в детский сад, больницу или столовую. Просили направить молоко для рабочих вредных цехов. Тов. Савченко отверг все предложения:

— Неизвестно ещё, у кого работа вреднее: у шахтёра или у судьи!

ВЕСЕЛЫЕ ТИПОГРАФЫ

Читатель Бажанов из Петропавловска-Камчатского прислал нам для обозрения прелюбопытнейшую книгу. Это роман Тургенева «Отцы и дети», выпущенный в свет Гослитиздатом (массовое издание, тираж — 300 тысяч). В широко известный тургеневский текст здесь впервые внесено нечто ещё никогда не встречавшееся при многочисленных изданиях бессмертного романа.

Вот как излагаются в этой книге события, происшедшие после завтрака у Евдоксии Кукшиной:

«— А это заведение твоего отца — тоже нравственное явление? — промолвил Базаров, ткнув пальцем на кабак, мимо которого они в это мгновение проходили приёмом в системе ухода за озимой пшеницей... Передовые колхозы пропалывают озимую пшеницу не менее двух раз. При полке озимой пшеницы...» и так далее.

Далее, между прочим, следуют рисуночки: пшеничные колосья Меланопус 69, Мильтурум 553 и прочее в том же духе...

Бедные «Отцы и дети»! Это шутники из третьей типографии «Красный пролетарий» в Москве так постарались: 32 страницы романа выбросили вон и «вмонтировали» на их место текст брошюры о зерновых и зернобобовых культурах.

Весёлые типографы посадили в добрую классическую «почву» зерно и бобы, а выросли у них, как видим, одни плевелы.

ДЕЛКА!

...но внутри грубо.

— Все говорят, что покупатель у нас вырос. Однако это пальто никто не желает брать.

ВЫ НЕ НАШ!

Планировать время и место сердечного приступа человеку — увы! — не дано. Иначе вряд ли бы Ф. А. Мельников попал с поезда на койку железнодорожной больницы станции Сочи.

Этот случай острой болью отозвался в «добром сердце» начальника терапевтического отделения больницы тов. Алексеевой.

Подойдя к больному и глянув в его горевшие надеждой глаза, она с подкупающей теплотой и сердечностью произнесла:

— Вам, товарищ Мельников, придётся освободить койку. Вы больной не наш.

...Не помогло больному и вмешательство руководителей Сочинского горздраотдела, требовавших оставить тов. Мельникова в больнице до полного выздоровления. Настойчивый врач выпроводила больного на улицу, ссылаясь на установленный ею «диагноз»:

— Больной Ф. А. Мельников находился в нашей больнице совершенно случайно...

Интересно, «совершенно случайно» тов. Алексеева обошлась с больным так немилосердно или она успела основательно забыть о долге врача?

СУЩИЙ ПУСТЯК

Если бы не этот ключ от письменного стола, никто у нас, наверно, и не знал бы о Бабочке. Сам-то по себе Бонифаций Бабочка — человек незаметный, а вот ведь теперь все только о нём и говорят.

В кои-то веки Бонифацию Бабочке выдали письменный стол, к которому не было ключа. Как человек, искушённый в административных вопросах, он тут же письменно известил об этом начальника отделения. Какое тот принял решение, сказать трудно, потому что и через месяц ключа не было.

Тогда Бабочка написал официальное заявление о выдаче ему ключа. Как помогло это заявление, видно из того, что и через два месяца стол не запирался.

Бонифаций Бабочка решил нарушить служебную субординацию. Он явился на заседание в хозяйственный отдел и попросил, чтобы ему выдали обычный ключ к обычному столу.

— Дружище, — ласково сказал на это начальник хозяйственного отдела, — ведь у нас есть вопросы поважнее, чем твой ключик. — Однако, увидев печальное лицо посетителя, он добавил с ухмылкой: — Что поделать? Забей ящик на ночь гвоздиком и не волнуйся.

Но Бабочка почему-то волновался. На утреннем десятиминутном совещании он самым серьёзным образом заметил, что, пожалуй, пора бы выдать ему ключ к столу.

Председательствующий от души расхохотался.

— Однако ты шутник, Бабочка! Сначала делаешь такую серьёзную мину, что человек испугаться может, а потом говоришь о своём ключике. Ну, ладно! Я доложу об этом выше.

Он, видимо, доложил так высоко, что и ещё через два месяца ключ не появился.

Тогда Бабочка выступил на общем собрании. Критика возымела следующее действие:

председатель заводского комитета сказал, что неувязку с ключом Бабочка мог бы и сам утрясти со своим начальником отдела, не отнимая времени у общего собрания;

начальник хозяйственного отдела сказал, что в эпоху величайших свершений стыдно заниматься каким-то ключиком;

начальник Бабочки заявил, что совершенно непонятно, как это Бонифаций Бабочка за полгода не удосужился получить ключик.

После этого все стали говорить о Бабочке, как о скандалисте и бюрократе.

От такого оборота дел Бабочка даже заметно осунулся.

Как-то ему позвонил начальник отдела Гуначек и потребовал срочно возвратить статистический отчёт.

— У меня его нет, — ответил Бабочка.

— То есть как нет? — удивился начальник.

— Да кто-то взял его из стола.

В трубке захохотало:

— Что? Взял? Кто-то? Из стола?..

— Ну да, взял! Я не знаю, кто. Стол был не заперт, — сообщил Бабочка.

— Послушайте, ведь это... это ж — чрезвычайное происшествие! Вы понимаете? — простонал Гуначек. — Вы должны немедленно всё выяснить. Документ должен быть найден!

Бабочка неопределённо хмыкнул и повесил трубку.

Поднялась паника. К Бабочке сбежались

начальник отделения, начальник отдела, заведующий хозяйственным отделом и председатель заводского комитета.

Они кричали:

— Как можно хранить важнейший документ в незапертом столе?!

— Это ведь статистический отчёт!

— Слесаря сюда! Через несколько минут в замке стола торчал ключ.

— Хорошо, — с облегчением вздохнул заведующий хозяйственным отделом, который уже обшарил все ящики и мусорные корзинки в поисках отчёта. — Однако какая сейчас от этого польза?

— Польза, положим, есть, — сказал Бабочка и жестом фокусника извлёк из кармана злополучный отчёт.

Впрочем, он тут же смутился и тихо сказал:

— А ведь его могло бы и не быть у меня в кармане. Не так ли?

Из чехословацкого сатирического журнала «Дикобраз».

Перевёл Д. МОРОЗОВ.

Ближневосточная нефть является объектом ожесточённой борьбы между американскими и английскими монополиями. При этом американские монополисты заметно теснят своих английских конкурентов.

Рисунок М. АБРАМОВА.

Англо-американская нефтеперегонная компания.

СЕНАТОР ПИКСОН

Джеймс У. Пиксон начал свою карьеру с небольшой мясной лавки. Пять сверхприбыльных для бизнесменов лет мировой войны № 2 превратили его во владельца крупного консервного завода. Последующие семь лет он бесперебойно отправлял громадное количество банок сперва в Западную Европу — в порядке американской помощи ей, а потом в Корею — в порядке патриотизма. От этого к имени Пиксона прибавилось столько нулей, сколько требуется для превращения частного дельца в государственного деятеля.

Неделю назад сенатора Пиксона пригласил к себе Глобс, один из лидеров демократической партии.

— На кой же чёрт, спрашивается, мы пропихнули вас в сенат? — кричал Глобс. — Чтобы вы молчали там, как рыба? Вряд ли для этого мы швыряли деньги на выборы! Пошевелите мозгами и бахните что-нибудь похлеще республиканцев. Пять дней срока. Либо вы делаете настоящий бум, либо из вас сделают бифштекс, тушонку, фарш — что хотите, вы же понимаете в мясном деле!

В лихорадочных попытках придумать сенсационную тему речи злосчастный сенатор провёл все эти дни. В ночь на четверг в игру включилась его жена Сесиль. Давно и страстно жаждавшая паблсити — известности, — миссис Пиксон включила телевизор. На экране появилась пышная супруга одного недавно всплывшего на политическую поверхность сенатора. Она вызывающе нюхала цветы в собственной оранжерее и нагло улыбалась...

К утру Сесиль с достаточной ясностью установила, что её супруг не сенатор и не политик, а лавочный сиделец, безнадёжный тупица, мясник, старый свиной окорок, что в сенате он только просиживает кресло, в то время как другие произносят речи, создающие им бешеное паблсити. Нет, дальше так продолжаться не может! Если на этой же неделе он не сделает надлежащих выводов, она сама добьётся известности: объявит в прессе, что любовь к Америке не позволяет ей быть женой сенатора, пренебрегающего своим политическим долгом, и уедет к отцу в Новый Орлеан.

«Взгромоздиться на резную трибуну сената и произнести речь... Но о чём?» — мучительно думал Джеймс У. Пиксон.

Тем для выступлений было великое множество, но как в повышении цен на сигары или перегрузке уличного движения обвинить мировой коммунизм? А без такого обвинения лучшая речь не стоит ни цента.

Мистер Пиксон вышел из спальни только ко второму завтраку. Супруга после ночного скандала демонстративно отлёживалась где-то во внутренних комнатах. В доме стояла зловещая тишина, только из сада доносился в открытое окно ровный, поучающий голос мистера Тейлора, которого Пиксон вынужден был нанять для своего старшего недоросля, провалившегося на весенних экзаменах.

— Вы уже знаете, — бубнил мистер Тейлор, — что земной шар разделён на двадцать четыре пояса, в каждом из которых время отличается на один час от соседнего: к востоку — на час раньше, к западу — на час позже... Почему это так, скажите?

— Земля вертится, — проныл Джек, и по голосу его мистер Пиксон понял, что он болтает ногами.

— О'кей! Теперь припомните, где проведена демаркационная линия, иначе говоря, граница суток.

— В Тихом океане, — лениво ответил Джек. — Верно. Теперь проследим снова, как земной шар вкатывается в освещённое солнцем пространство. Следите по карте. Сперва под лучи солнца попадает азиатское побережье Тихого океана — Северная Сибирь, потом советский Дальний Восток и Китай. Затем солнечные лучи пройдут через всю Азию, потом достигнут Европы, Атлантики и, наконец, осветят восточное побережье Северной и Южной Америки...

Джеймс У. Пиксон шумно отодвинул стул и спустился в сад.

— Что за чепуху вбиваете вы мальчишке в голову? — гневно спросил он поднявшегося ему навстречу Тейлора. — Что же, по-вашему, выходит, что сутки начинаются где-то в Азии? В Сибири?

— Это по международной конвенции, мистер Пиксон. Я не виноват.

— Почему же так получается? Ведь, сколько я понимаю, земля вертится.

— Именно поэтому и оказалось необходимым установить условную исходную линию начала суток, — подхватил Тейлор. — Этой линией со времени международной конференции 1884 года считают сто восьмидесятый меридиан, который очень удобно проходит по Тихому океану как раз между Азией и Америкой.

Сенатор помолчал, думая о чём-то своём.

— Вот что, мистер Тейлор, — сказал он наконец, — ответьте-ка мне прямо, без всяких меридианов: значит, первые утренние лучи падают сначала на Сибирь и на Китай? Так, что ли?

— Совершенно верно.

— А когда же они доберутся до Америки?

— Шанхай находится в восьмом поясе, Вашингтон — в девятнадцатом. Следовательно, через одиннадцать часов.

— О'кей, — сказал Джеймс У. Пиксон. — Кажется, тут есть о чём подумать... Дайте-ка сюда вашу книжку, а парня займите чем-нибудь другим.

В пятницу в сенате был большой день. На трибуну вышел сенатор Пиксон, никогда прежде на ней не появлявшийся.

— Всем известно, джентльмены, — начал он, — какое значение для здоровья человека имеют ультрафиолетовые лучи. Научно доказано, что лучи эти крайне дефицитны и что полноценны они только в самые ранние часы, свежим утром, о прелести которого сложено множество стихов разными этими... поэтами. Будучи человеком деловым, я не стану декламировать их, а прямо схвачу быка за рога, быки-то мне более знакомы...

— Одобрительный разговор в зале.

— Вся беда в том, — продолжал мистер Пиксон, — что с точки зрения медицины солнечный свет уже к девяти часам утра приобретает ту же ценность, что и свиная туша, лишённая сала...

Кинооператоры, предчувствуя сенсацию, начинают подкрадываться к трибуне.

— ...Короче говоря, вся первосортная ультрафиолетовость из него улетучивается. И мы не имеем возможности пользоваться стопроцентными утренними лучами. Мы их просто не ощущаем. Вы будете поражены, джентльмены, когда услышите, что оба американских материка были нагло обокрадены, ограблены, лишены драгоценных ультрафиолетовых лучей в результате происков мирового коммунизма!

В зале общее движение. Репортёры склонились над блокнотами, фотографы вспыхнули своими светопушками перед багровой от возбуждения физиономией сенатора Пиксона.

— Это случилось, джентльмены, в 1884 году. Учёные всего мира собрались на конференцию. Как известно вам со школьной скамьи, земля наша вращается, и поэтому надо было уговориться, в каком её районе будут начинаться новые сутки. Доверчивые

американцы тоже были на этом конгрессе. Тогда они не представляли себе всего коварства и хитрости мирового коммунизма. Не подозревая, на что обрекают они свою страну, эти честные деловые люди неосторожно подписали протокол конференции, по которому граница между сутками была проведена в Тихом океане. Теперь посмотрите, что из этого получилось. Первые, самые целебные солнечные лучи прежде всего захватываются просторами Сибири. Затем, при дальнейшем вращении земного шара, в пространство, освещаемое драгоценным ультрафиолетовым светом утренних лучей, вкатывается советский Дальний Восток. Потом — коммунистический Китай. Потом — взбунтовавшийся Вьетнам. Потом — другие такие же острова, или как их там... материки, населённые цветными. Терпимо ли, джентльмены, что китайцы, малайцы, корейцы и прочие жёлтые, чёрные и коричневые захватывают для себя все сто процентов ультрафиолетовых лучей, отпущаемых господом богом для здоровья порядочных людей? Не забудьте, что целебная сила солнечных лучей к восьми-девяти утра исчезает и, значит, всё, что божественный промысел предназначил для англо-саксов, уже израсходовано — и на кого? На русских и на цветных!

Общее движение. Трещат кинокамеры. Репортёры бросаются к телефонным будкам.

— И вот, джентльмены, когда вся жизненная сила солнечных лучей уже похищена, когда, так сказать, дивиденд получен и купоны острижены, — тогда только эти лучи, ослабленные, выхолощенные, никому не нужные, как акции лопнувшего треста, начинают освещать нашу Америку. Сейчас, — оратор драматическим жестом поднял к глазам часы, — четыре часа сорок две минуты... В лучах ограбленного коммунистами солнца, которые падают на вас через эти окна, нет уже ни на цент ультрафиолетовости. А между тем в это же самое время коммунисты где-нибудь в Шанхае или во Владивостоке впитывают в себя все сто процентов благодатного элексира жизни, украденного у нас! Терпимо ли это? Я спрашиваю, терпимо ли это далее, джентльмены? Я надеюсь, что каждый здравомыслящий американец поддержит моё требование, которое я адресую федеральному правительству, а через него Организации Объединённых Наций: немедленно перенести границу начала суток из Тихого океана в Атлантический! Америка должна каждое утро получать свежие и первосортные ультрафиолетовые лучи!

Овации. Рёв. Аплодисменты. Оратор машет кулаками, грозит кому-то, указывая то на солнце, то на часы.

Так началось широкое паблсити сенатора Пиксона.

Это вымысел? И да и нет. Недавно известный сенатор Маккарти (от штата Висконсин) «разоблачил» проникновение коммунистов в церковные хоры. Крупный фермер Бромфилд (из штата Огайо), опасаясь, что «продажа жёлтого маргарина будет содействовать росту коммунизма в стране», заявил в конгрессе: «С каждым фунтом потребляемого маргарина в стране растёт коммунизм». Как видим, этим и многим другим джентльменам недалеко до мистера Пиксона.

Мистер Пиксон не сделал из своей ультрафиолетовой теории последних выводов. Ныне на помощь ему приходит тот же сенатор Маккарти. Как сообщает агентство Ассошиэйтед Пресс, он заявил: «Мы сможем повернуть историю вспять».

Надо думать, американский сенат при первом же удобном случае известит мир о том, как удалось повернуть историю вспять, и уточнит, на сколько именно градусов. В противном случае это событие может остаться незамеченным.

Леонид СОБОЛЕВ

ЛИПОВАЯ АЛГЕБРА ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Даны были: а) в изобилии доллары американского конгресса на организацию диверсий, б) военные инструкторы США, в) продажная буржуазная печать в Америке и Западной Европе, г) немецкий фашистский сброд всякого звания и чина, д) немецкий Ли Сын Ман — Аденауэр. Спрашивалось: чему равен «день икс»?

Жизнь очень легко и просто решила американскую задачу: «день икс» — день 17 июня — оказался величиной отрицательной, тождественной полному провалу провокаторов.

— Не может быть, неверно! — кричат в иступлении американские биржевики и немецкие фашисты. — Это не по нашему заданию, «не по ответу».

В «ответе» американской алгебры провокаций и авантур под 17 июня значится: военный блиц-переворот, срыв международных переговоров, срыв мирного объединения Германии, военная истерика и паника во всём мире, твёрдая, устойчивая, ясная погода на нью-йоркской бирже.

А на деле вышло: позорное поражение фашистских бандитов и хулиганов, быстрое успокоение, твёрдый порядок в Германской Демократической Республике, неустойчивая погода на нью-йоркской бирже.

— Повторить задачу на икс, на игрек, на зет! — командуют обозлённые банкиры из Нью-Йорка оскандалившимся приказчикам в Бонне.

И мы снова узнаём о приготовлениях к новому изданию алгебраической провокации.

Даны клеветнические измышления о «забастовках» в восточном секторе Берлина, и так как никто не видел, что рабочие на предприятиях этого сектора стояли без дела, изобретаются «сидячие» забастовки. Провалится эта выдумка, будут кричать о «лежащих» забастовках. Буржуазная печать пускает в обращение слухи о предстоящих новых «беспорядках». Но даже агентство Рейтер вынуждено было признать, что никаких признаков «беспорядков» нет.

Американо-немецкая газета «Дер таг» писала: «Первый «день икс» нам не удался, но — спокойно! — мы подготовим следующий «день икс»...

Немцы только пожимают плечами, читая такие анонсы. После позорного провала авантюры 17 июня всем стало ясно, что алгебра провокаторов со всеми их иксами и игреками — это липовая алгебра. Авантюристы оперируют не с реальными величинами, а с мнимыми, дутыми. Сделав обман своим главным средством,

они обманывают и самих себя. Они, к примеру, выдают Аденауэра за политическую единицу. Они строят свою авантюру на фашистском гнилом сбросе, а этот сброд рассыпается при первом ударе. Они верят в магическую силу доллара, а эта сила совсем не так уж велика, как это хочется тем, кто стремится использовать её как инструмент своей политики. А подлинную силу представляет народ. Но провокаторы и авантюристы всегда недооценивают эту реальную силу и потому неизменно оказываются битыми. О реальные величины разбилась и авантюра американских поджигателей войны 17 июня. Она разобьётся и в любой другой день.

«День икс» открыл глаза многим в Западной Германии. Тайное стало явным. Недаром правительство Аденауэра смертельно боится того, что весь немецкий народ по обе стороны искусственной границы узнает полную правду об американской провокации 17 июня, раскроет все скобки и потребует искоренения всех остатков фашизма, потребует объединения Германии.

Поджигатели войны тешат себя мыслью, что произошла только «ошибочка», что можно повторить провокацию на новый лад, с новыми неизвестными величинами. Но это и есть липовые расчёты авантюристов.

Американские власти давно специализируются на благодеяниях. Вскоре после «дня икс» они, сердобольные, предложили «продовольственную помощь» трудящимся Восточного Берлина. Расчёт был, как откровенно разъяснила газета «Нью-Йорк таймс», на «максимальный психологический эффект». Что ж, эффект, действительно, получился максимальный, только противоположный. Немцы отказались от провокационной чикагской тушонки. Они с гневом отвергли подозрительную навязчивость непрошенных кормильцев.

Важные последствия провала этих авантур заключаются именно в том, что они невольно раскрыли глаза многим, заставили насторожиться все народы, усилили движение за мир. Ни один народ в Западной Европе не хочет стать игрушкой в руках американских авантюристов. И чем больше обнаруживается грубо-циничное отношение американских агрессивных кругов к народам Западной Европы, тем больше растёт сопротивление народов их авантюристической политике.

Реальные величины мира и демократии бьют и будут бить липовую алгебру империалистических мнимых величин.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Fischer Wind
«ФРИШЕР ВИНД» — «СВЕЖИЙ ВЕТЕР» — САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ — ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Рисунок Л. РАУВОЛЬФА.

Рисунок К. КЛАМАНА.

— Сколько бы горячего ни пожирала эта машина, она всё равно будет в нашей автоколонне.

— Я заплатил за хороший бифштекс, а вы мне подсовываете жалкую стряпню.

— А какое практическое значение имеет ваша диссертация?
 — Громадное! Я получу звание кандидата наук.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

УНИВЕРСАЛ

Пётр Семёнович Щелчэк
 Однозвучен, как сверчок.
 Ходит он чуть-чуть вприпрыжку,
 На ходу читает книжку,
 Носит шляпу набочок.
 Как с горы ручей в апреле,
 Мчится славушка за ним:
 Пётр Щелчэк в газетном деле
 (Да!

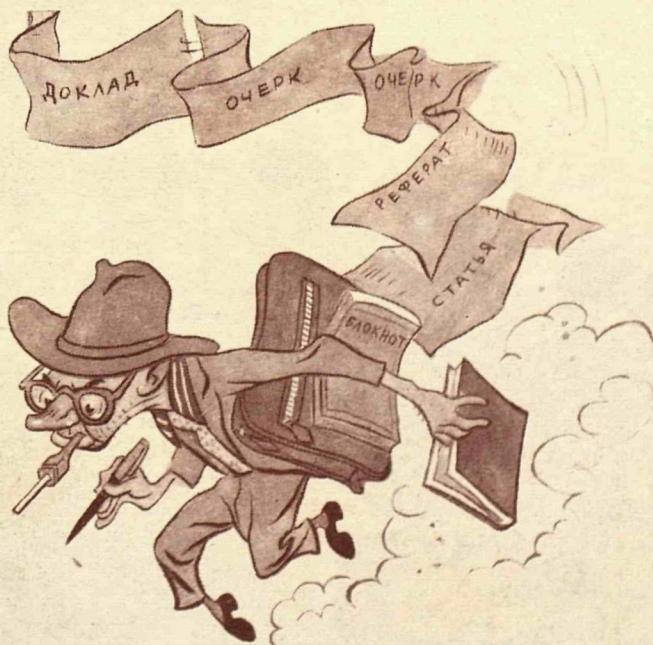
Да!
 Да!)

Незаменим.

Скажем прямо, откровенно:
 Нет ему ни в чём преград!
 Может сделать он мгновенно
 Капитальный реферат,
 Так сказать, напропалую
 Написать передовую,
 Бойко сгрохотать репортаж
 Про удой и вернисаж.
 Быстро очерк настрогать
 Про болото и про гать.
 Сочинять Щелчэк силён
 Про поливку и про лён,

Сплавать в Горький,
 съездить в Ригу,
 Натошак слетать в Ростов,
 Разобрать спектакль и книгу
 Пётр Семёнович готов.

Словом, много ли, немного,
 Всё он может, видит бог,
 Даже то, чего не могут
 Братья Тур и сёстры Кох.
 Всё он может — спору нет!

Но...

Похож на винограет,
 На солянку из цитат
 Капитальный реферат;
 Пахнет книжной кладовой
 От сухой передовой;
 Двухподвальная статья
 Рыхловата, как кутья.
 Ощутима рыхлость даже
 В кратком бойком репортаже,
 Ибо данный репортаж
 Чей угодно, но не наш:
 Захватив на главном месте
 Незаконные права,
 Восседают на насесте
 Иностранные слова.
 С именами общим счётом
 Пётр Семёнович на «ты».
 Со своим большим блокнотом
 Он за каждым поворотом
 Видит цель за полверсты...
 Что ж поделаешь с натурой:
 Вездеход-универсал!
 Всё пронизано халтурой,
 Что бы он ни написал.
 Ни огарок, ни светильник —
 Строчкогон, подстать жучку.

Так и плачет подзатыльник
 По маститому Щелчку.

ПРАВДА УКРАИНЫ

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО НЕНАДЕЖНОЕ СРЕДСТВО

Как безбрежное море, раскинулся зелёный массив пшеницы. Ветер катит в степи блестящие волны. Жаркое июньское солнце уже где-то золотит высокие колосья. Наливаются, набираются соков хлеба.

Кто не остановится, кто не залюбуется этой картиной колхозного изобилия!

Но Дмитрий Евтихевич Бондарь настроен отнюдь не лирически. Грубая проза тревожит его сердце. Хлеба в рост человека! Пшеница вот-вот поспеет! Всё это нужно убирать, обмолотить, вывезти. А как это сделаешь, если в Кировоградской области и комбайны далеко не все отремонтированы и молотилки не приведены в боевую готовность? Сроки давным-давно минули, а в машинно-тракторных станциях есть ещё машины, к которым не прикасалась рука механика.

Разные мысли приходили в голову заместителя начальника Кировоградского областного управления сельского хозяйства, но пуще всех беспокоила одна: «Как найти такое верное средство, чтобы ремонт комбайнов и молотилок всё же закончить?» Чего только не передумал тов. Бондарь! Самое простое дело — послать уполномоченных. Или, например, кликнуть клич на предприятиях Кировограда, организовать шефские ремонтные бригады... Увы, ни то, ни другое ныне не поощряется. Да это и действительно мало помогло бы.

Целый день Дмитрий Евтихевич думал. Сотрудники ходили на дыпочках, стараясь не потревожить начальство. Даже сводка о ремонте машин не была в тот день подписана.

— Идите, идите! — проводила секретарша из приёмной пришедшего со сводкой работника сектора учёта. — Дмитрию Евтихевичу не до вас. Небось, процент невысокий?

— Невысокий, — уныло подтвердил учётик. — И не надо беспокоить, не надо! Дмитрий Евтихевич думает, как лучше повисить процент.

Шагая из угла в угол, Бондарь и не заметил, как подошло время обеда. Из тяжёлых раздумий его вывел продолжительный телефонный звонок.

— Ну, кто ещё там! — раздражённо сказал он. — Я же тысячу раз просил...

Дмитрий Евтихевич взял трубку и услышал недовольный голос жены:

— Что это ещё за порядки?! Я сижу, жду, обед приготовлен, а его приглашать надо! Времени не знаешь?..

Кто знает, что произошло бы в Кировоградской области, не позвони тогда жена Бондарю. Подобно великому математику древности Архимеду, открывшему свой знаменитый закон и воскликнувшему при этом «Эврика!», Дмитрий Евтихевич в одно мгновение нашёл то, чего искал так долго. Едва успев пообедать, он засел за работу. Средство, найденное им, было вернее верного. Теперь дело с ремонтом комбайнов можно было считать решённым.

Как читатель уже догадывается, тов. Бондарь задумал обратиться за помощью не к вышедшим из моды уполномоченным, не к шефам и даже не к самим директорам машинно-тракторных станций, а к их жёнам. Вот кто, по мысли Дмитрия Евтихевича, единственно в силах воздействовать на дела в МТС. Что там местные организации!

В общем задумано — и исполнено.

Однажды утром почта принесла в село Рошаховку, Витязевского района, внешне ничем не примечательное письмо. Адресовано оно было лично жене директора местной МТС Евгении Белоус.

«Уважаемая Евгения Васильевна! — говорилось в этом послании. — Вынужден сообщить, что руководимая Вашим мужем Рошаховская машинно-тракторная станция крайне отстаёт с ремонтом комбайнов и подготовкой других машин к уборке урожая. Если по области план ремонта комбайнов выполнен на 57,1 процента, то по Рошаховской МТС план ремонта выполнен всего лишь на 53,6 процента. Остались неотремонтированными 20 машин. Как видите,

МТС крепко отстаёт. Зам. нач. облуправления сельского хозяйства Д. Бондарь».

Получив это письмо, Евгения Васильевна больше всего подивилась тому, какая, однако же, феноменальная память у Дмитрия Евтихевича. Сколько лет прошло с тех пор, как заезжал он к ним в МТС, да и видел он её тогда всего лишь несколько минут, а имени отчества не забыл! С такой памятью Бондарь наверняка знает до тонкостей положение не только в каждой машинно-тракторной станции, но, поди, и с каждым комбайном. Вот это начальник!

Но чем больше восхищалась Евгения Васильевна отменной памятью тов. Бондаря, тем больше смущало её полученное письмо. Странное дело! Если ему всё так хорошо известно, то почему же он не вспомнил, что в Рошаховской МТС не хватает запасных частей?!

Евгения Васильевна показала письмо мужу, но Василий Гаврилович Белоус только плюнул с досады:

— Всё пишет!.. Вот и в Помощную написал — Клавдии Фёдоровне, супруге директора МТС Крюченко. На жён надеется. Лучше бы сам поворачивался побыстрее...

Не помогли Бондарю обращения к жёнам директоров МТС — область попрежнему отстаёт с подготовкой к уборке. И Дмитрий Евтихевич, говорят, уже подумывает о другом каком-нибудь средстве. Не действуют письма, — авось, телеграммы помогут...

Евгения Васильевна Белоус — та ответила на письмо из Кировограда и подробно разъяснила, что именно требуется для быстрого окончания ремонта комбайнов. Такого оборота дела Дмитрий Евтихевич никак не предвидел. Вот уж сколько прошло времени, но от него ни ответа, ни привета. МТС нужно помочь, а тов. Бондарь как воды в рот набрал.

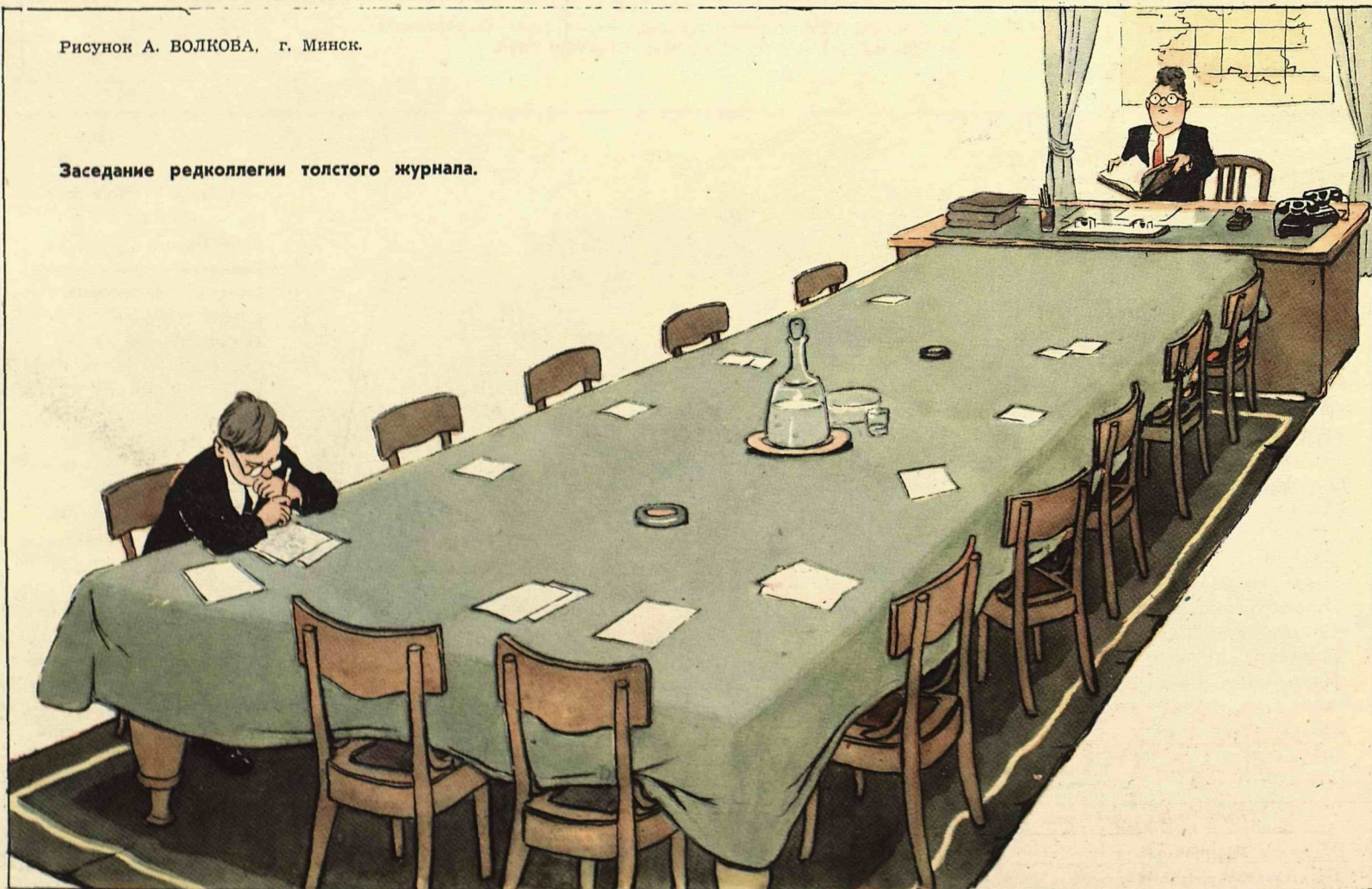
В Рошаховской МТС размышляют: не обратиться ли им теперь за помощью не к заместителю начальника управления, а к его жене?

И. БРАТЧЕНКО,
П. ЯКОВЛЕВ

г. Киев.

Рисунок А. ВОЛКОВА, г. Минск.

Заседание редколлегии толстого журнала.

МЕХАНИЧЕСКИЙ ПОДХОД

На некоторых предприятиях молодые специалисты, окончившие высшие учебные заведения, используются не по своей специальности.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Вы окончили институт! Хорошо! Разбираетесь в машинах! Отлично! Пойдёте машинисткой в заводоуправление...

Дорогой Крокодил!

Дорогой Крокодил!

Если тебя не затруднит, расшифруй, пожалуйста, следующие строки:

«Ежедневно, минут без пятнадцати в девять часов можно видеть шагающего туда, куда шагают многие, Н. И. Многие наверное не знают куда, аккуратно, соблюдая время, ходит Н. И. Ходит трудно сказать куда и если вы его спросите он пожалуй сам тоже не сможет ответить куда он ходит в это время и куда придёт сегодня».

Вот ты и ошибся: эти строки взяты из фельетона, напечатанного

в газете «Борьба» (Сеченовский район, Горьковской области). Называется фельетон «Предприятие без хозяина».

Уважаемый Крокодил!

Наша школьница очень любила слушать предназначенные для них радиопередачи. Ну, да мало ли что они любили! Украинский комитет радиопропаганды решил не потакать их прихотям. С некоторых пор часы, отведённые для передач «Пионерской зорьки», занял Житомирский радиокomitee. «Пионерская зорька» бесславно померкла, и сельские ребята нашей области остались вовсе без пионерских радиопередач.

Сколько и куда бы мы ни обращались, отовсюду следовал неизменный ответ: «...поставлен вопрос об изменении графика трансляции

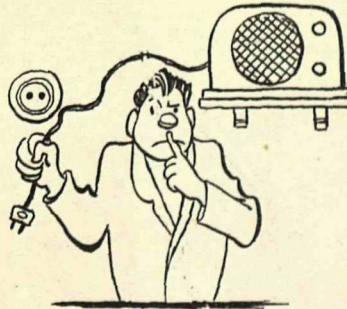
(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

передач Житомирского радиокomitee».

Нельзя ли, дорогой Крокодил, этот вопрос включить в какой-то

Б. ПРОХОРОВ,
А. УВАРОВ

ОТ КРОКОДИЛА. Номер газеты, где напечатан фельетон «Предприятие без хозяина», подписан временно исполняющим обязанности редактора П. Т. Семёновым. Совершенно очевидно, что газета и является тем «предприятием», где нет хозяина. Иначе такой фельетон не увидел бы света.

график? А то, судя по всему, он будет разрешён только тогда, когда наши ребята вырастут и у них появятся свои дети.

А. ПАЛАМАРЧУК,
А. СТЕПАНОВА,
К. ШУМИЛО

с. Словечно,
Житомирской области.

Дорогой Крокодил!

Недавно исполнилось четыре года со дня начала строительства учебного корпуса сельскохозяйствен-

ного техникума в городе Анапе. В честь этой годовщины Главхлопкоснаб бывшего Министерства хлопководства занарядил нам вместо леса 2 400 килограммов хозяйственного мыла, которого по расчётам хватит на несколько поколений студентов нашего техникума.

Узнав о присылке мыла, руководители Управления учебных заведений Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР умыли, как говорится, руки и вовсе прекратили снабжение нас строительными материалами.

Не знаешь ли ты, дорогой Крокодил, способа, с помощью которого можно было бы превратить хозяйственное мыло в тёс, железо, и гвозди?

С. ЗАВГОРОДНИЙ,
директор анапского
сельскохозяйственного
техникума.

Главный редактор — С. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 606. Подписано к печати 23/VI 1953 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 04109. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1920. Тираж 350 000 экз.

Лектор-цитатчик